

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Андрей Николаевич СПАРТАК

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации
Пудовкина ул., 4а, Москва, 119285, Российская Федерация
spartak@vniki.msk.ru

Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются история и современное содержание такого экономического и торгово-политического явления, как регионализм. Выделены три этапа развития процесса регионализации. Первый этап – предыстория регионализма – охватывает период с середины XIX века до 1940-х гг. и связан в основном с формированием двусторонних таможенных союзов в Европе с сильной политической мотивацией. Второй этап – классический регионализм – охватывает всю вторую половину XX века и определяется прежде всего интеграционными процессами в Европейском регионе, созданием ЕЭС, а затем Европейского Союза, формированием большого числа объединений развивающихся стран, по примеру ЕС преимущественно в форме таможенных союзов, и отдельных торговых блоков в развитом мире за пределами ЕС (в т.ч. НАФТА). В этот период в рамках ГАТТ/ВТО были разработаны правила для региональных торговых соглашений. Третий этап – глобализирующийся сетевой регионализм – стартовал в начале 2000-х годов и продолжается, с определенными оговорками, по настоящее время. Современный регионализм качественно отличается от регионализ-

ма прошлого века. Помимо быстрого и повсеместного, охватывающего все регионы и субрегионы мира роста числа региональных торговых соглашений (РТС) происходит значительное расширение и углубление их повестки за рамки обязательств и мандата ВТО, увеличение частотности межрегиональных и трансконтинентальных РТС, РТС с участием торговых блоков, включая межблоковые РТС. В 2010-х появилось значительное число РТС с вовлечением крупных и крупнейших экономик, чего не было раньше, и, главное, началось формирование мегарегиональных торговых соглашений с амбициозной, проинтеграционной повесткой. В РТС нового поколения, содержащих обширную повестку регуляторной гармонизации и предполагающих повышение институциональной однородности экономик стран-участниц, фактически реализуется альтернативная классической модель построения общего экономического пространства, но без наднациональных элементов. Регионализм сегодня отчетливо движется в направлении мегарегионализма – высшей стадии процесса регионализации. Политика новой американской администрации и Brexit, стимулировавшие деглобализационные, изо-

ляционистские тенденции в части западного мира, на практике привели лишь к некоторой перегруппировке и торможению отдельных мегарегиональных проектов, а также усилению позиций Китая на треке мегарегионализма (ВРЭП, мегапроект «Пояс и путь» с сопровождающими его РТС, недавняя инициатива БРИКС+ и БРИКС++). Мегарегионализм при любых сценариях окажет глубокое влияние на международную торговую систему и ВТО. При определенных условиях мегарегиональные соглашения могут стать основой для появления новой, в существенной степени универсальной системы глобального управления в сфере международного торгово-экономического сотрудничества в виде ВТО+ или каком-либо ином формате. Но это потребует длительного пред-

варительного сближения и поиска общих знаменателей между достаточно сильно различающимися по охвату и глубине мегапроектами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация, регионализм, интеграция, региональные торговые соглашения (РТС), зона свободной торговли (ЗСТ), мегарегионализм, мегарегиональные проекты, международная торговая система

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Спартак А.Н. (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 13-37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Andrey N. SPARTAK

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation
4a, ul. Pugovkina, Moscow, Russian Federation, 119285
spartak@vniki.msk.ru

Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects

ABSTRACT. *The article reviews history and contemporary state of such an economic and trade policy phenomenon as regionalism. Three consecutive stages of regionalization are identified. First stage – prehistory of regionalism – lasted from the middle of the XIX century till 1940-s and was characterized by the formation of bilateral customs unions in Europe with strong political motivation. Second stage – classic regionalism – covers the second part of the XX century and is mostly determined by integration processes in the European region, creation of the EEC and then the EU, organization of a big number of alliances among developing countries mainly in the form of customs union following the EU example and some trade blocs between developed economies beyond the EU (i.a. NAFTA). In this period special disciplines for RTAs were elaborated under the framework of GATT/WTO. Third stage – globalizing networking regionalism – gained momentum at the start of 2000-s and continues, with certain reservations, till nowadays. Contemporary regionalism has qualitative distinctions from regionalism of the past century. Besides fast and universal, covering all regions and subregions of the world, growth of RTAs number, their agenda is widening and deepening significantly going far beyond WTO. We could also witness*

increasing frequency of interregional and trans-continental RTAs, as well as RTAs with participation of trade blocks, including interbloc RTAs. Peculiarity of the current decade is the appearance of a considerable number of RTAs parties to which represent large and largest world economies, and that was not the case before. But the principal shift is related to the formation of megaregional trade agreements with ambitious, proutegration agenda. New generation RTAs, containing wide regulatory harmonization agenda and suggesting increasing institutional homogeneity of participating economies, de facto promote alternative vis-à-vis classic approach model for the creation of common economic space, though without supranational elements. Nowadays regionalism is definitely drifting towards megaregionalism – the higher stage of regionalization process. Politics of the new American administration and Brexit, which stimulated deglobalization and isolationist tendencies in part of Western world, in practice have only led to some regrouping and deceleration of certain megaregional projects followed by enhancing China's position on the track of megaregionalism (RCEP, Belt and Road, megaproject with accompanying RTAs, latest BRICS+ and BRICS++ initiative). Megaregionalism, under any scenario, will ex-

ert deep influence on the world trading system and the WTO. In certain conditions megaregional agreements could serve as the foundation for the emergence of new and by large universal system of global management in the sphere of international trade and economic cooperation either as a WTO plus arrangement or in some other form. But this needs long-lasting preparatory interaction for the convergence and finding common denominators between quite different megaprojects as regards their scope and depth.

KEYWORDS: *regionalization, regionalism, integration, regional trade agreements (RTAs), free trade area (FTA), megaregionalism, megaregional projects, world trading system*

FOR CITATION: Spartak A.N. (2017). Metamorphosis of regionalization: from regional trade agreements to megaregional projects. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 13-37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Регионализация как экономическое и торгово-политическое явление, предполагающее установление особых отношений между государствами для облегчения и расширения взаимной торговли и других форм хозяйственного сотрудничества, а также во многих случаях получения политических и геоэкономических выгод, имеет более чем полуторавековую историю. С учетом количественных и качественных характеристик процесса регионализации можно выделить три основных этапа в его развитии, а также определить контуры намечившегося четвертого этапа.

Эволюция регионализма

Первый этап – это предыстория регионализации, период создания первых таможенных союзов в Европе, практически всегда двусторонних, с сильной политической мотивацией в их образовании. Инициаторами таких союзов выступали эконо-

номически более сильные государства, становившиеся ядром объединения. Это также период появления примеров двусторонних торговых соглашений, содержащих оговорки о возможностях взаимного предоставления преференций. Хронологически данный этап охватывает почти столетний временной отрезок – с середины 1800-х годов практически до середины прошлого века, в течение которого активно происходило становление региональных, а затем и мирового хозяйства.

В числе первых региональных экономических объединений – Австро-венгерский таможенный союз (создан в 1851 г.), Франко-монакский таможенный союз (1865 г.), Германский таможенный союз (сформировавшийся в период 1834–1867 гг. и положивший начало единому германскому государству), Шведско-норвежский таможенный союз (1874 г., вскоре после образования распался вследствие межстрановых противоречий) (Долгов, Спартак, 2011, с. 191). В начале 1920-х годов появились Польшо-данцигский и Швейцарско-лихтенштейнский таможенные союзы. Особое место в предыстории регионализма занимает Бельгийско-люксембургский экономический союз 1921 г. – наиболее зрелый по своему содержанию, в 1932 г. ставший фактически тройственным союзом Бельгии, Люксембурга и Нидерландов. Во второй половине 1940-х гг. завершилось становление Бенилюкса как полноценного таможенного союза и началась работа по созданию экономического союза.

В рассматриваемый период предпринимались попытки использовать формат таможенного союза в конкурентной борьбе между США и Европой для защиты друг от друга своих традиционных рынков сбыта. Еще в 1910 г. США попытались образовать под своей эгидой Панамериканский таможенный союз с латиноамериканскими странами, но те воспротивились экспансии североамериканских компаний, и союз не состоялся. В 1929 г., в самом начале Великой депрессии, Франция

выдвинула инициативу создания Панъевропейского таможенного союза с участием более двух десятков государств, имевшего явную антиамериканскую направленность. Однако проект не получил поддержки многих стран из-за усилившихся противоречий на фоне кризиса и боязни жестких ответных мер со стороны Соединенных Штатов.

Отправные точки второго, «классического» этапа регионализации – неудавшееся создание в 1946–1948 гг. Международной организации по торговле и занятости в качестве специализированного учреждения ООН, но удавшееся подписание в 1947 г. 23 странами Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), ознаменовавшее начало формирования многосторонней торговой системы в ответ на политические и экономические вызовы времени с особыми правилами для преференциальных торговых соглашений (ст. XXIV ГАТТ «Территориальное применение – приграничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли»), а также образование экономических объединений нового типа в Европе – Европейского объединения угля и стали (1951 г.), Европейского экономического сообщества (1957 г.), Экономического союза Бенилюкса (1958 г.), Европейской ассоциации свободной торговли (1959 г.). ЕЭС стало примером наднациональной, многостадийной интеграции «классического» типа, представленной в трудах известного американского экономиста венгерского происхождения Б. Балаши (Balassa, 1961, p. 1–2).

На протяжении последующих десятилетий именно фактор функционирования ЕЭС и углубления европейской интеграции, вплоть до формирования единого рынка и Европейского Союза, оказывал решающее влияние на развитие процес-

са регионализации и модальности торговых соглашений. Происходило расширение Евросоюза и при его лидерстве – преформатирование торгово-политической конфигурации в Европе и в близлежащих регионах (соглашения между ЕС и странами ЕАСТ, включая образование Европейского экономического пространства в 1994 г., создание таможенных союзов ЕС с Андоррой, Турцией, Сан-Марино, соглашения об ассоциации ЕС со средиземноморскими странами). На других континентах, по примеру ЕС, но с учетом местной специфики и условий, создавались (хотя в основном только декларировались) таможенные союзы со значительным числом стран-участниц: Центральноамериканский общий рынок (1961 г.), Карибское сообщество и общий рынок (1973 г.), Андское сообщество (1998 г.), Южноамериканский общий рынок (1991 г.), Экономическое сообщество западноафриканских государств (1993 г.), Общий рынок для Восточной и Южной Африки (1994 г.), Таможенный союз России – Беларуси – Казахстана (1997 г.), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (1999 г.), Западноафриканский экономический и валютный союз (2000 г.).

Рассматриваемый период хронологически охватывает всю вторую половину прошлого века и самое начало 2000-х годов. Почему мы не связываем его окончание с созданием ВТО в 1995 г., закрепившим формирование универсальной многосторонней торговой системы и современный свод правил в отношении региональных торговых соглашений – РТС¹, включая действующие в сфере услуг (ст. V ГАТС «Экономическая интеграция» и ст. V-бис «Соглашение об интеграции рынков рабочей силы»)? Во-первых, потому, что в первые годы после создания ВТО

1 Региональные торговые соглашения в понимании ВТО включают соглашения о частичной либерализации торговли, о свободной торговле товарами, услугами, о таможенном союзе. Соглашения о торговле услугами в последнее время именуются ВТО как «соглашения об экономической интеграции» с учетом того, что они предполагают значительную либерализацию взаимного доступа на рынки, движения факторов производства, сближение систем регулирования.

либерализация торговли де-факто продолжалась в рамках «встроенной» повестки по услугам и на ряде других направлений, то есть еще не возникли стойкие недовольство и неудовлетворенность участников результатами многосторонних торговых переговоров, что впоследствии послужило одним из главных «спусковых» механизмов для взрывного усиления регионализма. Во-вторых, в первый период после учреждения ВТО действовали переходные положения о специальном и дифференцированном режиме для развивающихся стран, сохранявшие за ними значительный объем преференций, в том числе по доступу на рынки, использованию субсидий и др. Это отчасти демотивировало их в плане создания РТС. В-третьих, произошедшее в преддверии и вскоре после образования ВТО увеличение числа РТС, помимо внутриевропейской и средиземноморской активности ЕС, в значительной степени связано с заключением двусторонних ЗСТ между постсоветскими государствами, остро нуждавшимися в сохранении свободной торговли для нормального функционирования изначально тесно связанных национальных экономик. В-четвертых, учреждение ВТО не повлияло сколько-нибудь существенно на содержание РТС, которые до начала 2000-х гг. концентрировались на товарах и таможенных тарифах.

Рассматриваемый период можно охарактеризовать как регионализацию классического образца, когда регионализм выступал органической частью глобализации, обеспечивая подготовку региональных экономических пространств, в том числе через использование инструментов коллективного протекционизма, к последующей более глубокой интеграции в мировое хозяйство. Важной составляющей данного этапа стало создание благоприятных условий для формирования региональных цепочек стоимости с последующим их выходом на глобальный уровень. Содержание регионализации в этот период буквально соответствовало назва-

нию явления – создавались объединения и заключались торговые соглашения почти исключительно регионального характера, причем степень институционализации таких объединений (образования различных межгосударственных структур и органов) была достаточно высока. Конкуренция на поле регионализации оставалась невысокой, за исключением, пожалуй, Европейского региона, где на протяжении почти четырех послевоенных десятилетий соперничали ЕС и ЕАСТ (до практически полного поглощения Евросоюзом стран ЕАСТ).

Основные достижения анализируемого этапа регионализации заключаются в следующем:

- было завершено формирование единого рынка, экономического и валютного союза ЕС (то есть достигнута высшая стадия интеграции в терминологии Б. Балаши);
- вокруг ЕС сформировалась широкая зона преференциального торгово-экономического сотрудничества;
- появились первые примеры соглашений ЗСТ плюс, охватывающих не только товары, но также торговлю услугами, инвестиции, вопросы конкуренции, защиты объектов интеллектуальной собственности и др. (помимо соглашений с участием ЕС это прежде всего соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли 1994 г. – НАФТА, а также отдельные соглашения с участием Мексики, Чили, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии);
- сформировались многочисленные зоны преференциального взаимодействия по линии Юг – Юг, что стимулировало экономический рост развивающихся государств и повышало привлекательность региональных рынков для производительных инвестиций из развитых стран (помимо вышеперечисленных таможенных союзов с участием развивающихся стран, Торговое соглашение для Ти-

хоокеанской Азии, Латиноамериканская ассоциация интеграции, Организация экономического сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН, СНГ, Препарандное торговое соглашение для Южной Азии, Сообщество развития Южной Африки, др.). Соглашения между развивающимися странами носили преимущественно плюрилатеральный характер и ограничивались в основном частичным охватом товарных позиций в ходе либерализации, сохраняли существенные изъяты из режима ЗСТ;

- после развала СССР до определенной степени была восстановлена экономическая целостность постсоветского пространства через заключение двусторонних соглашений о свободной торговле (всего таких соглашений в базе ВТО за рассматриваемый период более 20).

Наступление третьего этапа регионализации – глобализирующегося сетевого регионализма – датируется началом 2000-х гг. и продолжается, с некоторыми существенными оговорками, вплоть до настоящего времени. Ключевые события и предпосылки, определившие начало нового этапа, включают открытие в 2001 г. Доха-раунда ВТО и быстрое разочарование стран-участниц в связи с отсутствием скольконибудь значимых его результатов; переход США к политике конкурентной либерализации, что сильно повысило градус межгосударственного соперничества в борьбе за доступ на рынки; значительное увеличение доли торгуемой добавленной стоимости в международной торговле, отражающее экспансию международных производственных систем и ставящее задачи по широкому открытию рынков; завершение

становления Китая как одной из крупнейших и агрессивных торговых держав, вытесняющей конкурентов с традиционных рынков, что побуждало другие страны к более активному использованию торгово-политических инструментов; присоединение к ЕС в 2004 г. десяти стран Центральной и Восточной Европы, достаточно быстро приведшее к снижению эффективности функционирования Евросоюза и падению привлекательности наднационального формата интеграции в силу его негибкости (тем более большинство так называемых таможенных союзов развивающихся стран откровенно пробуксовывали, а, например, АСЕАН – в формате ЗСТ плюс успешно развивалась).

Для рассматриваемого периода характерен быстрый, а в отдельные годы – взрывной рост числа РТС, которое за истекший период 2000-х гг. увеличилось четырехкратно². На треке РТС значительно повысилась активность развивающихся государств, появились страны, суперинтегрированные в преференциальные торговые форматы, реализующие в их рамках очень значимую и даже основную часть своей внешней торговли. Сегодня около 2/3 международного обмена товарами осуществляется в рамках РТС, в том числе в экспорте Канады данный показатель достигал в 2015 г. 80%, Республики Корея – 73,5%, Германии – 70,5%, Китая – почти 40% (Спартак, 2016, с. 31–40). Доля взаимного экспорта в общем экспорте региональных объединений в случае ЕС составляет 63%, НАФТА – 50%, АСЕАН – 25%, Сообщества развития Южной Африки – 18%³.

Помимо роста числа и влияния РТС усложнилась и стала более насыщенной их повестка. Обсуждение тарифных вопросов перестало быть главным акцентом на переговорах, в центр которых вы-

2 WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 17.09.2017)

3 World trade statistical review 2017. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toc_e.htm (Accessed: 17.09.2017)

двинулись вопросы регуляторной гармонизации, доступа на рынки услуг, либерализации движения капиталов, технологий, информационных потоков и др. По сути, сформировалась альтернативная классической, без наднациональных элементов, более гибкая и зачастую не менее эффективная модель формирования общего экономического пространства стран-участниц с широкими возможностями для углубления взаимного сотрудничества.

Среди РТС последних полутора десятилетий все больше межрегиональных, а не чисто региональных соглашений, в заключении РТС стали активно участвовать торговые блоки (кроме ЕС и ЕАСТ, – АСЕАН, Южноафриканский таможенный союз – ЮАТС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива – тоже таможенный союз, Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР). Возникли первые межблоковые РТС (между ЕС и Сообществом развития Южной Африки, МЕРКОСУР и ЮАТС, ЕАСТ и ЮАТС).

Говоря о том, что третий этап регионализации продолжается и в настоящее время, с сохранением высокой динамики, содержательного и географического разнообразия создаваемых РТС, нельзя не отметить, что в его недрах все более очевидно вызревают предпосылки для качественных изменений в процессе регионализации, сдвига от регионализма, пусть и расширительно трактуемого, к мегарегионализму.

Мегарегионализм в нашем понимании – это комплексная категория, прежде всего определяющая высокий потенциал влияния данного явления на мировую экономику и международную торговую систему, развитие процесса глобализации. Мегарегионализм – это и про число, и про качество участников новых

межгосударственных проектов, и про их беспрецедентно глубокую повестку с высокой институционально-регуляторной составляющей, и про «фабрику» лучших практик, которые впоследствии могли бы быть имплементированы в правовую систему ВТО.

Современный регионализм

За весь период существования ГАТТ (1948–1994 гг.) эта организация получила от стран-членов заявления о 124 РТС (относящихся к торговле товарами), тогда как еще более 540 нотификаций о заключении РТС (в растущем числе случаев выходящих далеко за рамки регулирования торговли товарами) поступило уже после старта работы ВТО в 1995 г.⁴ Общее число нотифицированных в ГАТТ/ВТО РТС к концу сентября 2017 г. приблизилось к 670, из которых 453 представляли собой действующие РТС (в конце 2007 г. число действующих РТС составляло около 250, то есть в кризисный и посткризисный период добавилось свыше 200 РТС – почти половина всех действующих). Несколько десятков РТС в рамках процедуры раннего уведомления ВТО находятся в стадии переговоров или подписаны, но не вступили в силу. И еще около сотни РТС, по оценкам секретариата ВТО, фактически действуют, но не были нотифицированы в ВТО⁵.

Общее число физически существующих РТС к концу сентября 2017 г. достигло 284, из которых 266 – это соглашения о свободной торговле различного охвата и глубины и 18 – таможенные союзы, в том числе 4 образованы ЕС⁶. Количество «физических» РТС отличается от общей величины нотифицированных в ВТО РТС, где соглашения о свободной торговле товара-

4 Regional Trade Agreements: Facts and Figures. URL: <http://www.wto.org> (Accessed: 23.09.2017)

5 WTO OMC. Regional trade agreements and the multilateral trading system. Discussion paper for the G20. September 21 2015. P. 5.

6 WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (Accessed: 23.09.2017). Таможенных союзов в действительности 17, поскольку помимо Евразийского экономического союза в ВТО ранее был нотифицирован Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, который так и остался в базе РТС ВТО.

ми (или о таможенном союзе) и соглашения об экономической интеграции, включающие торговлю услугами, инвестиции и др., считаются раздельно, хотя на практике они представляют единое РТС. Кроме того, разница обусловлена нотификацией соглашений о расширении уже действующих РТС, хотя их и не много (24 за весь период ГАТТ/ВТО, в основном в связи с расширением ЕС). Около сотни РТС можно отнести к категории плюрилатеральных (с вовлечением более двух стран и торговых блоков в качестве стороны РТС; без соглашений с участием ЕС и ЕАСТ останется порядка 30 плюрилатеральных РТС). В Таблице 1 приведены количественные данные по структуре действующих РТС.

Примерно 35% всех «физических» РТС, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу, заключено при участии ведущих развитых стран и их объединений –

ЕС, ЕАСТ, США и Японии (причем США и Япония только в 2000-х годах стали заметными игроками на поле регионализма). Среди других стран безусловными лидерами на поле регионализма являются Чили и Сингапур, последовательно проводящие политику открытой экономики и ориентирующиеся на соглашения интеграционного типа. Высокую активность по заключению РТС проявляют Турция, Республика Корея, Перу, Панама, Мексика, Индия – у всех перечисленных стран более 15 «физических» РТС (Таблица 2).

Помимо всплеска активности РТС в 2000-х гг. следует отметить универсализацию регионализма как процесса, в котором активно участвуют все континенты и категории стран, а также окончательное формирование проинтеграционного характера современного регионализма, не ограничивающегося созданием зон сво-

Таблица 1. Структура региональных торговых соглашений, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу, по видам соглашений¹ (на конец сентября 2017 г.)

Виды РТС	Включая двойной счет		Исключая двойной счет	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Соглашения с частичным охватом	22	4,8	22	7,8
Соглашения о свободной торговле	246	54,3	106	37,3
Таможенные союзы	18	4,0	18	6,3
Соглашения об экономической интеграции²	143	31,6	138	48,6
Соглашения о присоединении к существующим ННС (в основном расширение ЕС)	24	5,3	-	-
ВСЕ СОГЛАШЕНИЯ	453	100,0	284	100,0

1 ВТО раздельно учитывает РТС в торговле товарами и РТС в торговле услугами, охватывающие широкий комплекс вопросов, хотя на практике это одно и то же РТС. Исключение двойного счета осуществляется путем вычитания из числа соглашений о свободной торговле товарами тех случаев, когда между странами заключены также соглашения об экономической интеграции. По пяти таможенным союзам – ЕС, Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР, Карибское сообщество и общий рынок, Восточноафриканское сообщество, где есть соглашения об экономической интеграции, последние учитывались в числе соглашений о таможенном союзе.

2 При исключении двойного счета даны единые соглашения о свободной торговле и об экономической интеграции. Одно соглашение – о Европейском экономическом пространстве между ЕС и ЕАСТ – является только соглашением об экономической интеграции.

Источник: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 23.09.2017)

бодной торговли товарами, а охватывающего широкий круг вопросов торговли услугами, взаимодействия в сферах инвестиций, ИКТ, интеллектуальной собственности, экологии, конкуренции, трудовых стандартов и др.

В 2015–2017 гг. происходило интенсивное достраивание системы регионализма. С заключением в июне 2016 г. торгового соглашения между Японией и Монголией в составе ВТО не осталось стран, не имеющих РТС.

Более масштабным стало вовлечение в процесс регионализации африканских государств. В июне 2015 г. на саммите 26 стран – участниц Восточноафриканского сообщества, Сообщества развития Юга Африки и Общего рынка для Восточной и Южной Африки было парафировано Трехстороннее соглашение о свободной торговле. Предполагалось, что оно вступит в силу через 12 месяцев при условии его ратификации 14 из 26 государств. Окончательный текст соглашения на середину 2017 г. был подписан 20 странами, но ратифицировал его только Египет, принявший саммит. Одновременно по поручению лидеров Африканского союза ведется работа на треке Общеконтинентальной ЗСТ (хотя поставленный срок ее завершения – 2017 г., по-видимому, будет продлен). Страны Африки к югу от Сахары шире вовлекаются в межрегиональные ЗСТ, что свидетельствует об их возросшей готовности к такой деятельности (в течение 2016 г. вступили в силу РТС ЕС – Сообщество развития Юга Африки, ЕС – Гана, ЕС – Кот-д’Ивуар, МЕРКОСУР – Южноафриканский таможенный союз).

Происходит консолидация латиноамериканского регионализма. В мае 2016 г. вступило в силу соглашение о Тихоокеанском альянсе (Колумбия, Мексика, Перу, Чили), а уже вскоре после этого были заключены РТС между МЕРКОСУР и двумя лидерами Тихоокеанского альянса – Мексикой и Чили. Шесть тихоокеанских государств Латинской Америки – Чили, Перу, Панама, Мексика, Колумбия, Коста-

Таблица 2. Страны и объединения государств, участвующие в наибольшем числе «физических» РТС, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу (ранжировано по числу «физических» РТС) (на конец сентября 2017 г.)

	Страны и объединения	Всего РТС / в том числе глубокие РТС
1	ЕС	40/16
2	Чили	29/21
3	ЕАСТ	28/11
4	Сингапур	22/19
5	Турция	22/–
6	Республика Корея	18/14
7	Украина	18/4
8	Перу	17/12
9	Панама	16/14
10	Индия	16/5
11	Мексика	16/11
12	Япония	15/14
13	США	14/13
14	Китай	14/13
15	Малайзия	14/9
16	Таиланд	13/8
17	Колумбия	13/10
18	Коста-Рика	13/11
19	Канада	12/7
20	Австралия	12/10

Источник: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 24.09.2017)

Рика – сегодня входят в двадцатку стран и объединений с наибольшим числом РТС (столько же стран представлено от Восточной и Юго-Восточной Азии).

Возросла активность на треке РТС между крупными и крупнейшими экономиками. Среди последних примеров – РТС между ЕС и Канадой, Китаем и Республикой Корея, Китаем и Австралией, Японией и Австралией, Канадой и Республикой Корея, Австралией и Республикой Корея. Ведутся переговоры ЕС с Индией, Японией и МЕРКОСУР, Японии с Республикой Корея, Республики Корея с Мексикой. В конце лета 2017 г. появилась информация о возможности «грандиозной торговой сделки» между США и Великобританией после завершения процедуры ее выхода из ЕС.

В последние годы стабильно более половины всех заключенных РТС это межрегиональные, преимущественно трансконтинентальные. Такой подход диктуется развитием глобальных производственных систем и подкрепляется снижением транспортных расходов, улучшением всей системы коммуникаций, уходом значительной части деловой активности в цифровую сферу.

Проинтеграционная сущность современного регионализма выражается в том, что к началу 2000-х годов было лишь порядка 10 «физических» РТС с продвинутой повесткой, а сейчас – 143 (на конец сентября 2017 г.). В 2016 г. число глубоких РТС впервые превысило количество соглашений, ограничивающихся установлением режима свободной торговли товарами. Около 70% всех РТС, заключенных в текущем десятилетии, содержат в той или иной степени элементы интеграционной повестки.

Этот тип соглашений, именуемых также ЗСТ плюс, оказывает наибольшее стимулирующее влияние на торговые потоки и экономики стран-участниц. В исследовании ВТО «Региональные торговые согла-

шения и многосторонняя торговая система» (2015)⁸ представлены результаты анализа ключевых положений РТС, заключенных в 2000–2014 гг., свидетельствующие об усилении их амбициозности как инструмента поддержки экономического развития (процент РТС от общей выборки, которые затрагивают следующие вопросы): правила конкуренции (59%), торговля услугами (56%), взаимные инвестиции (54%), государственные закупки (47%), права интеллектуальной собственности (47%), охрана окружающей среды (31%), электронная торговля (23%), трудовые отношения (22%).

В современных РТС принято выделять повестку ВТО плюс (то есть вопросы, регулируемые ВТО, по которым стороны берут повышенные обязательства) и за рамками ВТО, когда в соглашения включаются сферы и направления взаимодействия, пока не охватываемые ВТО, но необходимые для наиболее эффективного сопряжения экономик стран-участниц. На сегодняшний день, наверное, самый показательный пример всеобъемлющего соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве это РТС между ЕС и Канадой, отменившее около 99% тарифов во взаимной торговле, открывшее доступ на рынки услуг и обеспечившее широкую регуляторную гармонизацию. Ниже, в Таблице 3, в иллюстративном порядке приведены вопросы РТС, включающие обязательства сторон вне ВТО.

Мегарегионализм и новые вызовы

Новейший этап в развитии регионализации связан с возникновением феномена МРТС. Уже значительное число работ, в том числе автора данной статьи, посвящено мегарегиональным торговым соглашениям нового поколения, оценке потенциала их влияния на мировую экономику и международную торговлю, многосто-

8 WTO OMC. Regional trade agreements and the multilateral trading system. Discussion paper for the G20. September 21 2015. P. 7–8.

Таблица 3. Иллюстративный перечень вопросов глубоких РТС, выходящих за рамки текущей повестки и мандата ВТО (составлено автором)

Регулирование рынка объектов интеллектуальной собственности	Сближение законодательства и стандартов	Регулирование рынка труда, трудовой миграции
Конкурентная политика	Сельское хозяйство	Региональное сотрудничество
Защита прав потребителей	Защита информации	Финансовая помощь
Вопросы выдачи виз	Промышленная кооперация	Статистика
Социальные вопросы	Борьба с коррупцией	Госуправление
Экология	Отмывание денег	Политический диалог
НИОКР, инновационная политика	Незаконный оборот наркотиков	Образование
Информационное общество	Экономическая политика	Здравоохранение
Добыча полезных ископаемых	Налогообложение	МСП
Движение капитала, инвестиции	Энергетика	

ронную торговую систему (Спартак, 2016, с. 3–20; Саламатов, Спартак, 2016, с. 50–60; Спартак 2013, с. 33–45). Для национальных экономик стран-участниц такие мега-соглашения предоставляют дополнительные возможности для развития, роста торговли и инвестиций, включенности в международные производственные системы.

МРТС изначально появились в АТР как следствие быстроразвивающихся интеграционных процессов и конкуренции между крупнейшими игроками – США и Китаем – за лидерство в формировании экономической повестки сотрудничества и правил торговли в этом мегарегионе. Вместе с тем уже скоро стало понятно, что МРТС служат и инструментом глобальной конкуренции.

Отправная точка мегарегионализма – начало текущего десятилетия, когда стартовали реальные переговоры по трем мегарегиональным проектам: Транстихоокеанское партнерство – ТТП с участием США и в итоге еще 11 стран (переговоры запущены в марте 2010 г.), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – ВРЭП с участием АСЕАН, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зе-

ландии (май 2013 г.), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство – ТТИП, США – ЕС (июнь 2013 г.). В 2010–2012 гг. четвертая по размеру азиатская экономика – Республика Корея – подписала соглашения о ЗСТ с США, ЕС, Индией, то есть появились по-настоящему крупные двусторонние межрегиональные РТС.

В Таблице 4 приведено сравнение основных параметров трёх вышеупомянутых МРТС.

В терминах диалектики мегарегионализм означает своеобразное отрицание отрицания. Всплеск регионализации в 2000-х гг. в значительной степени был реакцией на слабость и низкую эффективность ВТО как инструмента формирования наиболее благоприятных условий для интернационализации и транснационализации национальных экономик, экспансии международных производственных систем. В свою очередь, мегарегиональные торгово-экономические проекты стали ответом ведущих держав на невысокую результативность разрозненных двусторонних РТС с второстепенными партнерами в получении значимых преимуществ на глобальном рынке, возросшие издерж-

Таблица 4. Сравнение основных параметров мегарегиональных торговых соглашений (составлено автором на основе официальных материалов и исследований по проблематике МРТС) (по состоянию на сентябрь 2017 г.)

	ТПП	ТТИП	ВРЭП
Впервые объявлено	Декабрь 2009 г.	Февраль 2013 г.	Ноябрь 2011 г.
Начало переговоров	Март 2010 г.	Июнь 2013 г.	Май 2013 г.
Текущий статус	Соглашение подписано 5 февраля 2016 г.; в январе 2017 г. США заявили о выходе из ТПП	Состоялось 15 раундов переговоров, в настоящее время переговоры заморожены из-за Brexit	Состоялось 19 раундов переговоров
Основная цель	Заключение РТС «нового поколения» с глубоким охватом традиционной и новой повестки («золотой стандарт» для РТС XXI века)	Заключение РТС «нового поколения» с глубоким охватом традиционной и новой повестки («золотой стандарт» для РТС XXI века)	Гармонизация соглашений «АСЕАН+1», в том числе правил происхождения, при одновременном согласованном расширении и углублении их повестки
Модель членства	Соглашение открыто для новых членов из АТР, но на практике присоединение после подписания ТПП сильно затруднено необходимостью принятия в полном объеме имеющейся договорно-правовой базы	Соглашение является продолжением Трансатлантической интеграционной повестки (с 1995 г.); в силу беспрецедентной глубины соглашения расширение, по-видимому, возможно только за счёт принятия в ЕС новых членов	Участвуют страны, заключившие с АСЕАН соглашения в формате «АСЕАН+1», правила и критерии расширения пока отсутствуют, но в принципе возможно присоединение новых членов после завершения переговоров по ВРЭП
Глубина и охват	Формат «ВТО плюс» – акцент на вопросах повестки «нового поколения» (гармонизация внутренних систем и правил регулирования) и расширении охвата традиционной повестки	Формат «ВТО плюс» – акцент на вопросах повестки «нового поколения» (гармонизация внутренних систем и правил регулирования) и расширении охвата традиционной повестки	В основном совместимый и согласующийся с ВТО формат, акцент на вопросах тарифной либерализации при возможности различных уровней либерализации для отдельных стран
Главный драйвер мегапартнерства	Изначально США, после выхода США из ТПП – Япония при поддержке Австралии и Новой Зеландии	США, при активной позиции ЕС на многих направлениях; после победы Д. Трампа и Brexit явных драйверов нет	Изначально – АСЕАН при поддержке инициативы Китаем и Японией; в настоящее время значительно усилилось влияние Китая
Страны-участницы	Изначально 12 (с США), сейчас 11: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония	Всего 29: США, ЕС – 28	Всего 16: 10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Респ. Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия
Страны, входящие одновременно в два мегапартнерства	Всего 7: Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Япония, Сингапур (все – ТПП и ВРЭП)		
Страны, входящие только в одно мегапартнерство	Канада, Мексика, Перу, Чили	ЕС – 28, США	Китай, Респ. Корея, 6 стран АСЕАН (Индонезия, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Филиппины)
Уровень обязательств	Высокий уровень торговой либерализации, охват максимального числа сфер нетарифного регулирования, широкий объем обязательств в области регуляторной гармонизации	Высокий уровень торговой либерализации (97% тарифных линий), охват максимального числа сфер нетарифного регулирования, широкий объем обязательств в области регуляторной гармонизации, расширенная повестка по взаимосвязи торговли и устойчивого развития	Средний уровень торговой либерализации (охват ограниченного числа тарифных линий и сфер нетарифного регулирования), пока достаточно низкий уровень обязательств по доступу на рынки услуг и в области регуляторной гармонизации
Специальный режим для развивающихся стран	Отсутствует (могут быть оговорены особые графики имплементации положений Соглашения для менее развитых стран)	–	Предоставляется, возможны более низкие уровни обязательств в соответствии с практикой РТС в формате «АСЕАН+1»
Формат соглашения	Единый переговорный процесс, все договоренности включены в одно пакетное соглашение	Единый переговорный процесс, все договоренности включены в одно пакетное соглашение	Постепенный, последовательный и фактически фрагментированный переговорный процесс; различные пункты обсуждаются и имплементируются согласно разным временным графикам

ки администрирования и ведения бизнеса в рамках «клубков спагетти» из РТС с сильно различающимися регуляторными режимами.

Побудительные мотивы мегарегионализма обусловлены возможностью качественного улучшения доступа на емкие и динамичные зарубежные рынки; борьбой крупнейших мировых держав за лидерство и влияние на формирование региональной и глобальной повестки развития; снижением интенсивности торговли в рамках глобальных цепочек стоимости и сосредоточением более существенной части производственного цикла в странах базирования материнских компаний с вытекающей из этого необходимостью укрупнения доступных на особо благоприятных условиях рынков сбыта; развертыванием четвертой промышленной революции, предъявляющей повышенные требования к взаимодействию в цифровой сфере, открытости информации и обмену данными, защите прав интеллектуальной собственности и др., что больше тяготеет к плюрилатеральным и многосторонним форматам сотрудничества в силу трансграничной сетевой сущности этих проблем (по сути, речь идет о создании максимально комфортного интерфейса для делового взаимодействия).

В чем качественные отличия МРТС от прежних РТС?

Во-первых, экономический и торговый потенциал МРТС позволяет им оказывать влияние за пределами своего прямого применения, в том числе воздействовать на глобальные экономические процессы и влиять на выработку правил международной торговли. В первой половине 2010-х гг. в три вышеуказанных МРТС – ТТП, ВРЭП и ТТИП – были вовлечены все члены «большой семерки», почти все страны ОЭСР, Китай, Индия и др. – всего 49 государств, контролирующих свыше 70% глобального ВВП и более 75% международной торговли. По нашей оценке, торговый обмен внутри схожих по наполнению и весьма продвинутых по отношению к ВТО МРТС с

участием США – ТТП и ТТИП – мог охватить более 40% международной торговли товарами и услугами, считая торговлю внутри ЕС (при расширительном подходе американско-европейские правила и стандарты торговли через экономическое взаимодействие двух партнерств, а также «семьи» региональных торговых соглашений с участием США и ЕС распространялись бы почти на 50% международной торговли).

Во-вторых, МРТС принципиально отличались от традиционных региональных торговых соглашений тем, что в них одновременно участвовали не менее двух крупнейших экономик мира – в разных вариациях США, страны ЕС, Япония, Китай, Индия. Это важно для получения синергии наиболее емких рынков, создания эффективных взаимозависимостей внутри МРТС и благоприятных условий для динамичного развития трансграничных цепочек стоимости.

В-третьих, МРТС содержательно, как правило, были глубже прежних РТС по очень многим позициям они шли дальше ВТО (это главным образом касалось МРТС с участием США – ТТП и ТТИП). В их повестке помимо тарифной и нетарифной либерализации – вопросы гармонизации внутренних систем регулирования для повышения институциональной однородности экономик, широкие взаимные обязательства по доступу на рынки услуг, выравнивание стандартов в сфере инвестиций и охраны прав интеллектуальной собственности, продвинутые механизмы защиты инвесторов и правообладателей, меры по содействию электронной коммерции, обеспечению свободного функционирования цифровой среды и перемещения потоков информации, др.

В-четвертых, создание МРТС, в отличие от предыдущих РТС, несло в себе значимую политико-экономическую и геополитическую составляющие. Например, для США в ТТП – это продвижение неолиберальной экономической модели и собственной геополитической повестки в АТР.

По мнению Р. Мелендез-Ортиза, руководителя швейцарского Международного центра по торговле и устойчивому развитию, «МРТС представляют глубокие интеграционные партнерства между странами или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и прямых иностранных инвестициях, в которых два или более участников находятся в преимущественной лидерской позиции (paramount driver position) или выступают в качестве хабов в глобальных цепочках стоимости. Помимо доступа на рынки акцент в такой интеграции сделан на достижении регуляторной совместимости и своде правил, нацеленных на сглаживание различий в инвестиционном и предпринимательском климате»⁹. В январском, 2016 г. докладе Всемирного банка о перспективах глобальной экономики МРТС определяются как «региональные соглашения, имеющие системные, глобальные последствия», которые «достаточно велики и амбициозны, чтобы влиять на правила торговли и торговые потоки за пределами сферы своего прямого применения»¹⁰.

Соответствующим образом формировалась повестка этих соглашений. Судьба вышеупомянутых трех МРТС сегодня неоднозначна и малоопределенна. Итоговый текст Соглашения о ТТП был подписан в феврале 2016 г., и оно перешло в ста-

дию ратификации. Однако новый президент США Д. Трамп назвал это соглашение «чудовищной сделкой», «убийцей рабочих мест» и под влиянием предвыборных обещаний и своих консультантов в январе 2017 г. инициировал выход Соединенных Штатов из соглашения. Главный аргумент – потеря американских рабочих мест из-за огромного наплыва импорта, в том числе из стран ТТП, гигантский торговый дефицит США¹¹.

Вместе с тем оставшиеся 11 участников ТТП настроены реализовать соглашение и без США: в конце августа 2017 г. в Сиднее состоялись переговоры на уровне национальных координаторов 11 стран по ТТП с целью придать новый импульс соглашению и выйти на ноябрьский, 2017 г. саммит АТЭС во Вьетнаме с принципиальными решениями по его формату и содержанию. В поддержку такого шага активно выступают Япония, Австралия и Новая Зеландия¹². При любых вариантах дальнейшего развития событий эксперты сходятся во мнении, что Соглашение о ТТП является на сегодня наиболее продвинутом из всех РТС, фактически содержит свод лучших практик регулирования, наработанных за последнее десятилетие. Так, председатель рабочей группы по ТТП Американской торговой палаты в Сингапуре (одной из крупнейших в Азии) считает, что «ТТП

9 Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014. P. 6.

10 Global Economic Prospects: Spillovers amid Weak Growth. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership. World Bank Group. January 2016.

11 Д. Трамп в значительной степени связывает проблемы в реальной экономике США с беспрецедентным экономическим подъемом в Китае, прежде всего, в его промышленном и экспортном секторах (по его словам, за период после вступления Китая в ВТО в 2001 г. США «потеряли 70 тысяч заводов и фабрик»). Отчасти такая увязка обусловлена тем, что главным советником по внешнеэкономическим и торговым вопросам Д. Трампа (с начала избирательной кампании) является Питер Наварро, представитель американских академических кругов и автор опубликованной в 2011 г. книги «Смерть от Китая» (Death by China), в которой он дает резко критическую оценку действий Китая в международных экономических делах. П. Наварро, ныне помощник президента и глава созданного Д. Трампом Национального совета по торговле, – ярый сторонник протекционизма как ключевого принципа новой внешнеэкономической политики США. Его позиция состоит в том, что основными причинами растущего дисбаланса во внешней торговле и деиндустриализации в США являются, во-первых, широкое распространение несправедливых торговых практик – unfair trade practices – и, во-вторых, негативное влияние на экономику США невыгодных для них торговых соглашений – bad trade deals. См.: Navarro P. A "Bricklayer" Of Trump's Protectionist Wall. May 3 2017. URL: <http://www.npr.org/2017/05/03/526621048/peter-navarro-a-bricklayer-of-trumps-protectionist-wall> (Accessed: 08.08.2017)

12 TPP negotiators kick off talks in Sydney aimed at breathing new life into trade pact. The Japan Times. August 28, 2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/08/28/business/tpp-negotiators-kick-off-talks-sydney-aimed-breathing-new-life-trade-pact/#.WcuPYbj2bGg> (Accessed: 04.09.2017)

с большим отрывом предоставляет лучшие и наиболее стратегически ориентированные рамочные условия для ведения бизнеса»¹³. В случае реализации у данного соглашения есть хорошие шансы стать основой для проектируемой под эгидой АТЭС Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ.

После решения о выходе Великобритании из ЕС в июне 2017 г. и провозглашения Д. Трампом приоритета двусторонних подходов к РТС и так называемых честных торговых сделок приостановились переговоры по ТТИП. Проект фактически заморожен, и перспективы его не ясны. Хотя представители американской администрации, включая министра торговли У. Росса, говорят о некоторых положительных переменах в позиции Д. Трампа относительно ТТИП со второй половины 2017 г.¹⁴. В то же время незавершенность процесса выхода Великобритании из ЕС (окончательно ожидаемого в марте 2019 г.) в любом случае будет сильно тормозить ТТИП.

Вышеизложенное и некоторые другие факторы побудили ряд экспертов констатировать наступление интеграционной паузы, угасание импульсов к интеграции в развитом мире (Лисоволик, 2017, с. 12). По мнению Еврокомиссии, Brexit можно рассматривать «как индикатор возросших политических рисков, обусловленных усилением протекционистских, деглобализационных, националистических и изоляционистских тенденций в Европе и в глобальном масштабе»¹⁵.

Переговоры по ВРЭП продолжаются, но и здесь ситуация непростая. По данным независимой исследовательской организации Madhyam (Нью-Дели), по состоянию на середину июля 2017 г. завершены

переговоры лишь по двум главам Соглашения о ВРЭП из 15 (экономическое и техническое сотрудничество, малый и средний бизнес), тогда как по другим важным главам – торговля услугами, права интеллектуальной собственности, иностранные инвестиции, участие в госзакупках – ведутся трудные переговоры с неясной перспективой их окончания¹⁶.

В принципе выход США из ТТП подстегнул переговорный процесс в рамках ВРЭП. В начале года стороны поставили перед собой цель завершить согласование проекта соглашения до конца 2017 г. и на министерской встрече 10 сентября 2017 г. еще раз подтвердили свое намерение договориться по «ключевым элементам соглашения для получения существенных результатов». Большинство, однако, считает, что при наличии значительного числа противоречий и расхождений в позициях стран-участниц выйти на заключение соглашения в ближайшее время не удастся. Основным источником возможных препятствий и коллизий, вероятно, останутся Япония и Индия как главные азиатские экономические и геополитические конкуренты КНР.

Япония, являясь сторонником ТТП, а теперь его главным драйвером, может не поддержать скорейшее завершение переговоров по ВРЭП из-за стратегических антикитайских соображений и, вероятнее всего, будет и дальше маневрировать в продвижении региональной экономической интеграции.

Индийские представители на переговорах по ВРЭП добиваются от своих партнеров уступок в сфере торговли услугами и трансграничного движения рабочей си-

13 AmCham Singapore Voices Support for TPP-11. August 25 2017. URL: <http://markets.businessinsider.com/news/stocks/AmCham-Singapore-Voices-Support-for-TPP-11-1002284658> (Accessed: 04.09.2017)

14 Angela Merkel welcomes US offer to resume TTIP talks. DW. June 27 2017. URL: <http://www.dw.com/en/angela-merkel-welcomes-us-offer-to-resume-ttip-talks/a-39446579> (Accessed: 05.09.2017)

15 European Economic Forecast: Autumn 2016. European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Institutional Paper 038. November 9, 2016. P. 52.

16 Why India should rethink its approach to RCEP negotiations. 20 July, 2017. URL: <http://www.bilaterals.org/?why-india-should-rethink-its&lang=en> (Accessed: 14.08.2017)

лы (в том числе IT-специалистов) в обмен на более либеральный режим торговли товарами. Но пока результатов нет, а Индия, в свою очередь, не идет на компромиссы по другим вопросам повестки ВРЭП.

В ходе 19-го раунда переговоров по ВРЭП в Хайдарабаде, завершившегося 28 июля 2017 г., одним из самых сложных пунктов повестки стало обсуждение вопроса доступа компаний стран-участниц к системе госзакупок в Индии, годовой объемом которых оценивается в 300 млрд долл. Индийские власти категорически отвергают требования стран-партнеров взять на себя твердые обязательства по этому вопросу (исходящие особенно от КНР, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии). В итоге многие эксперты считают, что именно Индия станет основной причиной затягивания переговорного процесса в рамках ВРЭП.

Сейчас сложно сказать, насколько радикально и как именно повлияют политика нового президента США и Brexit, продолжающееся «брожение» суверенитетов в Европе на экономические расклады в мире и международную торговую систему. Однако упомянутое влияние, по-видимому, будет достаточным, чтобы откорректировать будущую повестку развития процессов глобализации и регионализации. Именно повестку, а не объективный характер появления и утверждения мегарегионализма как основы формирующейся новой глобальной торгово-экономической конфигурации. При этом за политикой Д. Трампа надо видеть все более отчетливый запрос на инклюзивную торговую политику, способствующую решению задач устойчивого развития, распространению выгод международной торговли на все общество, все социальные группы и категории предпринимателей. Поскольку такой запрос сформирова-

ровался в ведущей экономике мира, он должен восприниматься как системный вызов для дальнейшего функционирования международной торговой системы.

Вышеуказанные новые политические факторы, могущие иметь и преходящий характер, заставляют по-иному посмотреть на содержание и конкретные формы мегарегионализма, лучше сбалансировать будущие договоренности, одновременно стимулируя мегапроекты в других регионах мира и с другим составом участников.

Интеграционная неопределенность в западном мире, усугубляемая курсом Д. Трампа на пересмотр ранее заключенных соглашений (это коснулось даже НАФТА, переговоры по реформированию которого стартовали 16 августа 2017 г.) и фактическую примитивизацию торговой политики, низведенной до простого коммерческого размена, побудили Китай еще более усилить свою деятельность сразу по нескольким мегарегиональным проектам: ВРЭП, «Один пояс и один путь», сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. В то время как президент США провозглашает курс на формирование американо-центристской самодостаточной модели развития («идет ли речь о производстве стали, автомобилей или лечения болезни, я хочу, чтобы следующее поколение производства и инноваций локализовалось именно здесь, на нашей великой родине... создавая богатства и рабочие места для американцев»¹⁷) и подписывает распоряжение: «Покупай американское, нанимай американцев»¹⁸, Китай говорит об «экономике совместного пользования» и «сообществе общих интересов в широких границах», предлагает строить «экономическую глобальную систему, характеризующуюся открытостью, инклюзивностью, сбалансированностью и общим выигрышем» (Выступление..., 2017, с. 19).

17 Donald Trump outlines policy plan for first 100 days. Washington (CNN), November 22 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/11/21/politics/donald-trump-outlines-policy-plan-for-first-100-days> (Accessed: 09.09.2017)

18 Presidential Executive Order on Buy American and Hire American, April 18, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/18/presidential-executive-order-buy-american-and-hire-american> (Accessed: 09.09.2017)

Во время проведения в Пекине Форума Международного сотрудничества «Один пояс и один путь» председатель КНР Си Цзиньпин обратился к участникам с программным выступлением, в котором были подведены итоги и обозначены основные ориентиры на будущее. В выступлении подчеркивалась необходимость координации и сопряжения национальных планов развития государств-участников «Пояса и пути» с китайской инициативой. Была отмечена усилившаяся координация с такими зарубежными инициативами, как ЕАЭС, Генеральная программа взаимосвязи и взаимобмена АСЕАН, программа «Светлый путь» Казахстана, проект «Центральный коридор» Турции, программа «Степной путь» Монголии, проект «Два коридора, один круг» Вьетнама, стратегия развития северных районов Великобритании, план «Янтарный путь» Польши. Констатировано достижение взаимодополняемости между планами развития Китая и Лаоса, Камбоджи, Мьянмы и Венгрии (Выступление..., 2017, с. 20). Сделан акцент на создание при активном содействии Пекина общей и взаимосвязанной гуманитарной, исследовательской, инновационной, проектно-финансовой, производственной инфраструктуры, усиление финансовых механизмов и социальных эффектов «Пояса и пути». Китай обещает в ближайшие три года выделить около 9 млрд долл. развивающимся странам и международным организациям, принимающим участие в инициативе «Пояс и путь», в целях реализации проектов по повышению уровня жизни (всего в рамках «Пояса и пути» Китай подписал договора о сотрудничестве с более чем 40 странами и международными организациями и предполагает в скором времени расширить их круг до 60). Важная задача – продвижение по пути упрощения процедур в торгово-экономической сфе-

ре, улучшения делового климата, создания ЗСТ и в целом развития глобальной экономики открытого типа.

Активизация Китая на треке ЗСТ – одна из самых важных новаций в подходе КНР к «Поясу и пути». Намечаемая интенсивная торгово-экономическая либерализация вместе с заявленным и фактически реализуемым сопряжением национальных планов развития стран-участниц «Пояса и пути» с соответствующей китайской инициативой означает, что весь мажорный проект переходит из преимущественно инфраструктурного в интеграционный, предполагающий сближение программ развития, систем регулирования, улучшение взаимного доступа на рынки с использованием торгово-политического инструментария. В этом плане представляется дискуссионным мнение экспертов ИДВ РАН о том, что в проекте ЭПШП интеграционный аспект – не главный параметр, поскольку полномасштабную интеграцию большого количества государств сложно полностью реализовать¹⁹. О полномасштабной интеграции речи и не идет, но усиление интеграционной, торгово-политической составляющей «Пояса и пути» очевидно. Только в 2017 г., по данным Министерства коммерции Китая, будут проводиться переговоры о ЗСТ с 20 странами в рамках «Пояса и пути». В стадии разработки находится масштабное, пока непререференциальное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, которое, как считается, может выступить отправной точкой формирования Евразийского всеобъемлющего партнерства с подключением государств – членов ШОС, АСЕАН (в настоящее время российскими и китайскими экспертами осуществляется подготовка технико-экономического обоснования такого партнерства) (Денисов, 2017, с. 21).

19 Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Институт Дальнего Востока РАН. 2017. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rubr_2016-2018_luzyanin-2.pdf (Дата обращения 15.08.2017)

Конечно, все мегапроекты Китая наряду с привлекательной цивилизационной оболочкой и провозглашаемой инклюзивностью носят исключительно прагматичный характер. Плюс же в том, что китайский прагматизм вполне совместим и нуждается в широкомасштабной интеграции страны в региональную и глобальную экономику. По мнению экспертов ИМЭМО РАН, одним из главных стимулов реализации проекта ЭПШП является реиндустриализация внутренних провинций Китая. Во внутренних районах КНР будут создаваться новые производства с ориентацией сбыта на страны Центральной Азии, ЕАЭС, Европы и Закавказья. Передовые зоны свободной торговли станут расширяться на прилегающие районы и провинции, будет происходить взаимопроникновение промышленных колец, их пересечение и слияние. Начнет возникать многослойная структура: мегагород – промышленное кольцо – ветка Шелкового пути – договор о свободной торговле или региональная ЗСТ – глобальная экономика (Дынкин, 2017, с. 318–319).

Китай сегодня весьма успешно надстраивает мегапроекты над традиционным регионализмом. Расширяет сеть двусторонних ЗСТ (среди последних – соглашения с Грузией, Австралией, Республикой Корея) и усиливает приоритетность так называемой сопредельной дипломатии (экономического сопряжения с соседними странами), встраивает эти конструкции в форматы ВРЭП и «Пояса и пути», оценивает перспективы Евразийского всеобъемлющего партнерства с участием ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, а также формирования и расширения «круга друзей» БРИКС с намерением в последующем превратить данный формат в самую влиятельную платформу сотрудничества по линии Юг – Юг.

Идея БРИКС+ и БРИКС++ была озвучена министром иностранных дел Китая Ван И в начале 2017 г. и в значительной степени сформировала внешнеполитиче-

ский дискурс китайского председательства в объединении БРИКС. Еще на саммите в Дурбане (Южная Африка) в 2013 г. был предложен механизм «аутрич», означающий участие представителей государств, входящих в зону влияния или интересов каждой страны БРИКС, в диалоге с лидерами стран «пятерки». Но формула БРИКС+, на наш взгляд, это уже не просто расширение «аутрич», а потенциально новый горизонтальный мегапроект Китая с вероятными в будущем элементами интегративного характера, еще более масштабный, чем его прочие мегапроекты, выводящий мегарегионализм практически на глобальный уровень. В данном случае БРИКС для Китая – это инструмент дальнейшего выстраивания концентрических сфер распространения, прежде всего экономического влияния КНР в мире.

Пока не вполне ясно, на каких именно категориях «друзей» БРИКС будет сделан акцент в китайской инициативе БРИКС+. На прошедший в начале сентября 2017 г. очередной саммит БРИКС в Сямэне Китай пригласил 5 развивающихся государств, представляющих практически все регионы мира: Мексику – от Латинской Америки, Гвинею – от Тропической Африки, Египет – от Северной Африки и Ближнего Востока, Таджикистан – от Центральной Азии и ЕАЭС, Таиланд – от Юго-Восточной Азии и АСЕАН. Профессор МГИМО(У), исполнительный директор Российского Национального комитета по исследованию БРИКС Г. Толорая считает, что речь может идти о формировании межцивилизационного союза государств под эгидой БРИКС за счет более плотного подключения к работе объединения крупных и влиятельных стран «с быстрорастущей экономикой и известной внутренней стабильностью», но «число этих стран не может быть слишком большим»²⁰. При таком подходе это будет преимущественно политический проект, в чем-то повторяю-

20 Толорая Г.Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу. *Российская газета*. Спецвыпуск № 7357 (191).

ций «Группу 20», но без развитых стран, и это не тема данной статьи.

В свою очередь, главный экономист Евразийского банка развития профессор Я. Лисоволик считает, что «за счет создания сети экономических альянсов на различных континентах БРИКС (через форматы БРИКС+ и БРИКС++. – *Авт.*) может возглавить мировой интеграционный процесс в экономической сфере на фоне угасающих импульсов к интеграции в развитом мире... БРИКС могла бы также играть роль «агрегационной платформы» для некоторых соглашений о свободной торговле и других видов договоров». Эксперт уточняет, что первый круг – это примерно 30 стран, которые входят в региональные союзы и соглашения, где лидирующую роль играют государства БРИКС. Второй круг – это уже намного большее число стран, вступающих в двусторонние или плюрилатеральные альянсы со странами первого круга. По мнению Я. Лисоволика, «концепция БРИКС+ – это прежде всего новый подход к экономической интеграции и другая технология структурирования альянсов в общемировом масштабе... БРИКС+ – это в некотором смысле технологический шаг вперед по сравнению с принципом территориального и исключительного регионализма». К последнему эксперт относит ТТП и ТТИП, которые «ограничены определенным регионом, пусть и масштабным по географическому охвату» (Лисоволик, 2017, с. 11).

Достаточно подробное рассмотрение позиции Я. Лисоволика относительно БРИКС+ обусловлено значимостью дан-

ной проблематики для ответа на вопрос о будущем регионализма и мегарегионализма. Мы также склоняемся к возможности реализации проинтеграционного концепта инициативы БРИКС+ с выходом в перспективе на сетевой, полицентричный мегарегиональный проект нового типа и беспрецедентного масштаба, хотя и с прокитайским контентом. Это неблизкая перспектива, но практика показывает, что Китай обычно добивается своих целей, да и мотивы такого проекта в условиях глобальной турбулентности, макроэкономических рисков и геополитической напряженности достаточно сильны и очевидны. Более того, определенное межблоковое взаимодействие региональных объединений с участием государств БРИКС уже налаживается: подписаны соглашение о ЗСТ с частичным охватом между МЕРКОСУР и Южноафриканским таможенным союзом, меморандумы о взаимопонимании между ЕАЭС и МЕРКОСУР, развиваются контакты ЕАЭС и АСЕАН, активно участвующей во ВРЭП, и др.

Таким образом, мегарегионализм, несмотря на пробуксовку ТТП и ТТИП, как экономическое явление развивается и масштабируется. Однако, если в первой половине 2010-х гг. в выстраивании мегарегиональных альянсов лидировали США и были близки к геозэкономическому реваншу, то в самое последнее время со всей очевидностью вперед вырвался Китай, продолжающий форсировать Соглашение о ВРЭП, значительно усиливший интеграционную составляющую и мегарегиональное измерение форматов «Пояса и пути» и БРИКС.

21 См.: Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014.

22 Составители доклада бернского Института мировой торговли о последствиях ТТИП для стран ЕС (январь 2016 г.) отмечают, что «ТТИП представляет собой нового типа всеобъемлющее торговое соглашение XXI века, которое идет дальше традиционных вопросов доступа на рынки... и может установить новый золотой стандарт для будущих торговых соглашений». См.: TTP and the EU Member States. An assessment of the economic impact of an ambitious Transatlantic Trade and Investment Partnership at EU Member State level. World Trade Institute, University of Bern. January 2016. P. 18).

Мегарегионализм и ВТО

Каковы возможные последствия мегарегионализма для многосторонней торговой системы? По-видимому, при любом варианте развития событий нас ожидают глубокие реформы для ВТО, изменение сложившихся правил игры²¹. Это было наиболее очевидно на восходящей стадии переговоров по самым продвинутым ТТП и ТТИП²². Сейчас ситуация несколько изменилась, но не принципиально: лучшие практики ТТП и ТТИП уже получили самостоятельную жизнь и реализуются в других торговых соглашениях и плюрилатеральных форматах на площадке самой ВТО, а соединение экономического и инфраструктурного сопряжения с торгово-политическим инструментарием в мегарегиональных построениях Китая будет в принципе расширять сферу и генерировать новые стандарты глобального регулирования.

На момент в целом успешного и динамичного продвижения переговоров по ТТП и ТТИП авторитетный специалист по проблематике РТС и ВТО, профессор международной экономики Женевского института международных отношений и развития Р. Болдуин следующим образом прокомментировал вопрос о влиянии МРТС на систему ВТО: «Мегарегионализм означает хорошие и плохие новости для мировой торговой системы. Хорошие новости состоят в том, что МРТС приведут в порядок «клубок спагетти» из РТС (различные подходы к определению правил происхождения товаров в многочисленных двусторонних РТС. – *Авт.*). Плохие новости в том, что МРТС могут разрушить управление мировой торговлей, подрывая центральную роль ВТО как форума для создания новых торговых правил...» Далее он отмечал, что «без реформы ВТО, которая позволит завести существующие во-

просы повестки РТС под «крышу» ВТО и упростит разработку правил в новых сферах регулирования, тенденция к ослаблению центральной роли ВТО продолжится и, возможно, приведет к точке невозврата, за которой страны игнорируют правила ВТО, поскольку все другие это делают»²³.

Горизонты мегарегионализма

Принципиальный вопрос, вытекающий из исследования, заключается в том, смогут ли нынешние и будущие интеграционные, торгово-политические мегапроекты стать основой для появления новой, в существенной степени универсальной системы глобального управления в сфере международного торгово-экономического сотрудничества в виде ВТО+ или каком-либо ином формате (Спартак 2010, с. 28–37). На наш взгляд, это возможно, но требует длительного предварительного сближения и поиска общих знаменателей между достаточно сильно различающимися по охвату и глубине мегарегиональными проектами.

Собственно, такой подход уже тестировался и тестируется (хотя до настоящего времени с весьма скромными результатами) в связи со стратегической целью АТЭС создания беспрецедентной по масштабу Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) с участием всех стран и территорий, входящих в объединение. Вначале речь шла о признании важной роли ТТП и ВРЭП в качестве «строительных блоков» будущей АТЗСТ. В заявлении лидеров стран АТЭС по результатам саммита 2010 г. было отмечено, что такая ЗСТ формируется путем «развития и использования результатов текущих региональных инициатив, включая АСЕАН+3, АСЕАН+6 и ТТП среди прочих». В этот же период политики и эксперты заговорили о

23 Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014. P. 8.

двух основных треках создания АТЗСТ – транстихоокеанском (ТТП) и восточноазиатском (АСЕАН+6=ВРЭП), пересекающихся и взаимодействующих между собой.

Ряд авторитетных исследователей поддерживали такую позицию, полагая, что параллельное развитие и конкуренция между ТТП и ВРЭП окажут позитивное влияние на партнерства, которые будут стимулировать прогресс друг друга в русле концепции конкурентной либерализации. Проекты ТТП и ВРЭП предлагалось рассматривать не как взаимоисключающее, а скорее как усиливающие друг друга в процессе конкурентной либерализации, обеспечивающей в итоге высокое качество и всеобъемлющий характер интеграции в масштабе АТР (Petri, Plummer, 2013; Chia Siow Yue, 2013, p. 1–37).

На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. было достигнуто соглашение (так называемая Пекинская дорожная карта) о вкладе АТЭС в реализацию проекта АТЗСТ, включая договоренность о запуске двухгодичного коллективного стратегического исследования (КСИ) по путям формирования АТЗСТ²⁴. Последнее виделось КНР как «собрание» существующих соглашений о свободной торговле, притом что АТЗСТ не противоречит этим соглашениям, являющимся потенциальными траекториями реализации целей АТЗСТ. Тем не менее, комментируя принятые решения, Дж. Менон, ведущий экономист Азиатского банка развития, констатировал «развертывание гонки между США и Китаем за доминирование в установлении правил игры в торговле» и первенство в объявлении планов создания АТЗСТ²⁵.

По результатам проведенного и одобренного КСИ на ноябрьском, 2016 г. саммите АТЭС в Лиме (Перу) принято ре-

шение «осуществлять Лимскую декларацию по АТЗСТ (Приложение 1 к Декларации лидеров АТЭС; намечает дальнейшие шаги по продвижению АТЗСТ. – *Авт.*), в частности разрабатывать и претворять в жизнь рабочие программы в целях возможной реализации идеи АТЗСТ», готовить регулярные отчеты «о ходе выполнения указанных программ и коллективной готовности экономик АТЭС к наращиванию потенциала по реализации АТЗСТ»²⁶. Непосредственно в декларации по АТЗСТ подтверждена «приверженность тому, чтобы АТЗСТ формировалась на основе существующих региональных инициатив и через различные возможные механизмы, в том числе такие, как ТТП и ВРЭП». В качестве важной задачи ставится «инвентаризация» подходов к заключению региональных торговых соглашений и соглашений о свободной торговле, действующих в регионе АТЭС и других регионах, а также в рамках ВТО, к решению вопросов в области торговли и инвестиций «следующего поколения» для разработки целевых инициатив по их возможной имплементации в практике АТЭС. То есть АТЭС, по сути, возлагает на себя функцию макрорегиональной гармонизации подходов к РТС/ССТ на основе лучших практик, а учитывая важность экономик АТЭС для мирового хозяйства и торговли и членство в АТЭС стран – участниц всех трех ведущих МРТС – ТТП, ТТИП и ВРЭП, можно, с определенными допущениями, рассматривать АТЭС как потенциальный «инкубатор» идей для вероятного будущего глобального торгово-политического проекта.

Однако на практике все серьезно осложняется разногласиями между крупнейшими странами АТЭС, между США и многими другими ведущими держава-

24 APEC. 2014 Leader's Declaration: "Annex A – The Beijing Roadmap for APEC's Contribution of the Realization of the FTAAP".

25 Menon J. Two visions for free trade in the Asia-Pacific. World Economic Forum. November 10 2014. URL: <http://agenda.weforum.org/2014/11/two-vision-for-free-trade-the-asia-pacific> (Accessed: 05.08.2017)

26 Декларация лидеров АТЭС 2016 года (№ 2142-21-11-2016). Лима. 21 ноября 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ (Дата обращения: 29.08.2017)

ми текущей политикой американской администрации по перекройке сложившихся торгово-политических форматов, что на данном этапе способно «заморозить» дальнейшее продвижение на треке АТЗСТ.

Сейчас страны еще очевидно не готовы выйти за рамки мегарегионализма, да и сам мегарегионализм не достиг зрелой стадии. Характерный тому пример – ведущиеся с апреля 2013 г. переговоры по Соглашению о торговле услугами (сегодня в формате соглашения с ограниченным числом участников на площадке ВТО), где среди договаривающихся 23 сторон, включая ЕС, нет ни одной страны БРИКС, АСЕАН, МЕРКОСУР. А ведь это соглашение мыслится как важный шаг вперед по отношению к ГАТС, позволяющий инкорпорировать в многостороннем формате передовые практики регулирования торговли услугами, содержащиеся в различных РТС.

Но главная интрига современного этапа регионализации сохраняется. Состоит ли в полном объеме мегарегионализм и какие в итоге формы он примет? Как будут взаимодействовать различные мегарегиональные проекты, сумеют ли они стать предтечами новой многосторонности, нового глобального экономического и торгово-политического проекта? Или противоречия между мегарегиональными инициативами неопределенно длительное время окажутся неразрешимыми? Ответы на эти вопросы очень важны, в том числе для будущего России, ее позиционирования в глобальной торгово-экономической системе, что формирует запрос на дальнейшие комплексные исследования по данной проблематике.

Список литературы

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на Форуме международного сотрудничества «Один пояс и один путь». Совместно продвигать строительство «Одного пояса и одного пути». (2017). *Ежемесячный журнал «Китай»*, 06 (140). 18–23.

Долгов С.И., Спартак А.Н. (ред.). (2011). *Интеграционные процессы в мире и на пространстве СНГ: накопленный опыт, современные тенденции и перспективы*. Москва: ВАВТ. 191.

Дынкин А.А. (ред.). (2017). *Мир 2035. Глобальный прогноз ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН*. Москва: Магистр, 2017. 352.

Лисоволик Я.Д. (2017). БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? *Валдайские записки*, (69). 12.

Лихачев А.Е., Спартак А.Н. (2013). Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства. *Российский внешнеэкономический вестник*, (5). 33–45.

Саламатов В.Ю., Спартак А.Н. (2016). Теоретические и практические аспекты формирования мегарегиональных торгово-экономических блоков в АТР. *Международная экономика*, (5). 50–60.

Спартак А.Н. (2016). Новый этап регионализации: основное содержание, вызовы для многосторонней торговой системы и постсоветской интеграции. *Международная торговля и торговая политика*, 2(6). 3–20.

Спартак А.Н. (2010). Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века. Окончание статьи. *Российский внешнеэкономический вестник*, (7). 28–37.

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: Allen & Unwin. 303.

Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*, (20). 865–888. DOI: 10.1111/1467-9701.00107

Baldwin R. E. (2006). Multilateralizing Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the path to Global Free Trade. *CEPR Discussion paper*, (5775). 1451–1518.

Baldwin R. E., Low P. (eds.). (2009). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO. 744.

Chia Siow Yue. (2013). The Emerging Regional Economic Integration Architecture in

East Asia. *Asian Economic Papers*, (12). 1–37. DOI: 10.1162/ASEP_a_00179

Grossman G.M., Helpman E. (1995). The politics of free trade agreements. *The American Economic Review*, (85). 667–690.

Hamanaka S. (2014). TPP vs. RCEP: Control of Membership and Agenda Setting. *Journal of East Asian Economic Integration*, (18). 163–186. DOI: 10.11644/KIEP

Katada S.N., Solis M., Stallings B. (2009). *Competitive Regionalism: Explaining the Diffusion of FTAs in the Pacific Rim*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 289.

Mansfield E.D. (1998). The proliferation of preferential trading arrangements. *Journal of Conflict Resolution*, (42). 523–543. DOI: 10.1177/0022002798042005001

Mattli W. (1999). *The logic of regional integration: Europe and beyond*. New York: Cambridge University Press. 205.

Petri P.A., Plummer M.G. (2013). ASEAN Centrality, the RCEP, and the TPP. *East-West Center Policy Studies*, (69). 75.

Ravenhill J. (2010). The new East Asian regionalism: A political domino effect. *Review of International Political Economy*, (17). 178–208. DOI: 10.1080/09692290903070887

Yoshimatsy H. (2008). *The Political Economy of Regionalism in East Asia: Integrative Explanation for Dynamics and Challenges*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 192.

References

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: Allen & Unwin. 303.

Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*, (20). 865–888. DOI: 10.1111/1467-9701.00107

Baldwin R.E. (2006). Multilateralizing Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the path to Global Free Trade. *CEPR Discussion paper*, (5775). 1451–1518.

Baldwin R.E., Low P. (eds.). (2009). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO. 744.

Chia Siow Yue. (2013). The Emerging Regional Economic Integration Architecture in East Asia. *Asian Economic Papers*, (12). 1–37. DOI: 10.1162/ASEP_a_00179

Dolgov S.I., Spartak A.N. (eds.). (2011). *Integration processes in the world and in the CIS space: accumulated experience, modern trends and perspectives*. Moskva: VAVT. 191.

Dynkin A.A. (ed.). (2017). *World 2035. Global forecast by Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS*. Moskva: Magistr, 2017. 352.

Grossman G.M., Helpman E. (1995). The politics of free trade agreements. *The American Economic Review*, (85). 667–690.

Hamanaka S. (2014). TPP vs. RCEP: Control of Membership and Agenda Setting. *Journal of East Asian Economic Integration*, (18). 163–186. DOI: 10.11644/KIEP

Katada S.N., Solis M., Stallings B. (2009). *Competitive Regionalism: Explaining the Diffusion of FTAs in the Pacific Rim*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 289.

Likhachev A.E., Spartak A.N. (2013). New trends and developments in the process of regionalization world economy. *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*, (5). 33–45.

Lisovolik Ya.D. (2017). BRIX-plus: alternative globalization? *Valdaiskie zapiski*, (69). 12.

Mansfield E.D. (1998). The proliferation of preferential trading arrangements. *Journal of Conflict Resolution*, (42). 523–543. DOI: 10.1177/0022002798042005001

Mattli W. (1999). *The logic of regional integration: Europe and beyond*. New York: Cambridge University Press. 205.

Petri P.A., Plummer M.G. (2013). ASEAN Centrality, the RCEP, and the TPP. *East-West Center Policy Studies*, (69). 75.

Ravenhill J. (2010). The new East Asian regionalism: A political domino effect. *Review of International Political Economy*, (17). 178–208. DOI: 10.1080/09692290903070887

Salamatov V.Yu., Spartak A.N. (2016). Theoretical and practical issues of mega-regional block creation in Asia Pacific. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, (5). 50–60.

Spartak A.N. (2010). Development and international legal regulation of regional economic integration processes: new trends and phenomena at the beginning of the XXI century. The end of the article. *Rossiiskie vneshneekonomicheskii vestnik*, (7). 28–37.

Spartak A.N. (2016). New stage of regionalization: basic content, challenges for multilateral trading system and postsoviet integration. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2(6). 3–20.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Спартак, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки России, доктор экономических наук, заведующий, кафедра международной торговли и внешней торговли РФ, Всероссийская академия внешней торговли

119285, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4а
spartak@vniki.msk.ru

Speech by President Xi Jinping at the Forum for International Cooperation “One Belt, One Road”. Together to promote the construction of “One Belt, One Road”. (2017). *Ezhemesjachnyj zhurnal “Kitaj”*, 06 (140). 18–23.

Yoshimatsy H. (2008). *The Political Economy of Regionalism in East Asia: Integrative Explanation for Dynamics and Challenges*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 192.

About the Author

Andrey N. Spartak, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of Russia, Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy

4a, ul. Pugovkina, Moscow, Russian Federation, 119285
spartak@vniki.msk.ru